

МОДУС И ПОДТЕКСТ: ИЛЛЮЗИЯ СХОДСТВА

ЛИАННА МАТЕВОСЯН

Доминирующим направлением современных лингвистических исследований продолжает оставаться антропоцентрическое направление. Проблема человека всегда приковывала внимание исследователей: философы и историки, психологи и социологи, литераторы и искусствоведы во все времена проявляли пристальный интерес к человеку. Проблему человека не оставили без внимания и лингвисты, ибо человек думает и живет в языке. Язык не только средство общения, но и орудие мыслей и чувств, и его рассмотрение как орудия мыслей и чувств, по утверждению В. фон Гумбольдта, "... основа подлинного языкового исследования"¹.

При общении мы пользуемся знаками языка. Языковой знак обладает определенным, ясно осознаваемым значением. Ученые по-разному понимают значение: 1) значение – образ или информация (точка зрения Л.О.Резникова); 2) значение – обозначаемый предмет (так считают логики); 3) значение – функция, роль знака (точка зрения И. С. Нарского); 4) значение – отношение (точка зрения Л. А. Абрамяна).

Наиболее верной нам представляется точка зрения Л. А. Абрамяна, значение – это отношение между элементами так называемой знаковой ситуации². "Знаковая ситуация есть совокупность реальных семиотических элементов: знака, предмета, субъекта, других знаков, других субъектов, – закономерно связанных между собой"³. Значение проявляет себя только в таких ситуациях, в которых функционируют знаки. Значение – это такое свойство знака, которое позволяет знаку служить посредником между человеком и предметом обозначения. Значение позволяет знаку заменять собой предмет обозначения в актах коммуникативной и интеллектуальной деятельности человека. Знак воздействует на адресата потому, что он обладает значением.

Каждый знак имеет значение до известной степени общее для множества или большинства людей, которые вместе с тем являются истолкователями, интерпретаторами знака. Безусловно, условием существования языка и является общепонятность знаков. Однако не следует забывать о "многозначности" знаков, возникающей в различных конситуациях общения. Таким образом, можно говорить лишь об относительном постоянстве значения знака: к тому

¹ Гумбольдт фон В. Язык и философия культуры. М., 1985, с. 377.

² См. Абрамян Л. А. Значение как категория семиотики // «Вопросы философии», 1965, № 1.

³ Гарпушкин В. Е. Некоторые методологические вопросы определения значения "значения" // «Проблемы методологии философского исследования». Горький, 1972, с. 97.

же к конситуативной обусловленности значения знака присовокупляется индивидуальное его истолкование⁴. Иначе говоря, “многозначность” знака является результатом не только множественной ситуативной закреплённости, но и его эмоционального переосмысления говорящим.

В процессе речевого акта говорящий воздействует на слушающего, побуждая узнать его намерение. Значение, которое имеет в виду говорящий, далеко не всегда совпадает с объективным смыслом высказывания. “Не всегда можно судить по значению предложения о том, что хочет сказать говорящий своим высказыванием”, – писал Дж. Серль⁵. Обычно такие “значения говорящего” сиюминутны. Они, “впитывая” в себя конкретную коммуникативную ситуацию, рождаются и тут же погибают, не становясь достоянием всех носителей языка. Это одна сторона данного явления. С другой стороны, в процессе речевого общения мы наблюдаем, как те или иные “значения говорящего” (косвенные смыслы) повторяются и в силу этого закрепляются за данным высказыванием, которое используется уже не одним, а всеми членами языкового коллектива.

Сравним два внешне одинаковых высказывания, различающихся по смыслу: **Что вы (ты) делаете (-ешь)?!** – 1) как “вопрос-проявление интереса” и 2) как “констатация неодобрения” (= *Я не одобряю Ваших (твоих) действий*). В первом случае высказывание выступает в прямом значении – в значении вопроса о смысле действий адресата. Во втором случае мы имеем прагматическую интерпретацию (значение, которое имеет в виду говорящий) высказывания⁶.

Задача прагматики, как отмечает Н. Д. Арутюнова, “...вывести те общие закономерности, которые действуют в беспокойной безбрежности субъективных смыслов, и установить степень их конвенциализованности”⁷. Субъективная модальность (переосмысление содержания высказывания говорящим), или модус, в терминологии Ш. Балли,⁸ является смысловым организующим стержнем высказывания, движущей силой диктума, иначе говоря, модус – это “нерв” языка, это то, что приводит в действие диктум, то, что приводит в действие всю коммуникативную систему. На службе у модуса интонация – универсальное средство для выражения самых различных субъективно-модальных значений. Таким образом, интонационная характеристика – это не только грамматическая, но и смысловая характеристика предложения-высказывания. Ср.: **Большая беда! Очень хорошо поступаете! Прекрасно!** в буквальном значении и сказанные с возмущением или иронически, например, в “Повести о том, как поспорил Иван Иванович с Иваном Никифоровичем” Н. В. Гоголя:

⁴ См. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М., 1980, с. 44.

⁵ Searle J. R. Indirect speech acts // Syntax and Semantics. New-York - San-Francisco - London, 1975, V. 3, p. 68.

⁶ См.: Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // «Известия АН СССР». Серия литературы и языка. 1981, т. 40, № 4, с. 370.

⁷ Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // «Известия АН СССР». Серия литературы и языка. 1981, т. 40, № 4, с. 357.

⁸ См. о модусе и диктуме: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 44.

– Так я же вам объявляю, – произнес Иван Иванович, – что я вас знать не хочу!

– **Большая беда!** ей-богу, не заплачу от этого! – отвечал Иван Иванович.

Лгал, лгал, ей-богу, лгал! ему очень было досадно это.

– Нога моя не будет у вас в доме.

– Эге-ге! – сказал Иван Никифорович, с досады не зная сам, что делать, и, против обыкновения, встав на ноги. – Эй, баба, хлопче! – При сем показалась из-за дверей та самая тощая баба и небольшого роста мальчик, запутанный в длинный и широкий сюртук. – Возьмите Иван Ивановича за руки да выведите его за двери!

– Как! Дворянина? – закричал с чувством достоинства и негодования Иван Иванович. – Осмелюсь только! подступите! Я вас уничтожу с глупым вашим паном! Ворон не найдет места вашего! (Иван Иванович говорил необыкновенно сильно, когда душа его была потрясена.)

<...>

Наконец Иван Иванович взял шапку свою.

– **Очень хорошо поступаете вы, Иван Никифорович! прекрасно!** Я это припомню вам.

Эмоциональное переосмысление говорящим высказываний **Большая беда!** (=Не беда.) **Очень хорошо поступаете вы!** (=Плохо поступаете.) **Прекрасно!** (=Отвратительно! Ах, как плохо!) привело к такому разрыву значений, что родилось антонимичное значение. Иначе говоря, мы наблюдаем явление энантиосемии, или антифразиса. Конвенционализация же их экспрессивно-иронического употребления дает основание говорить о **стационарной энантиосемии**. Таких примеров можно привести много:

Придя на квартиру, доктор сорвал с себя белый фартук и полотенце, которым был подпоясан, со злобой швырнул то и другое в угол и заходил по кабинету.

– Боже, **что за люди, что за люди!** – проговорил он. – Это не помощники, а враги дела! Нет сил служить большие! Не могу! Я уйду! (А. П. Чехов, “Неприятность”.)

Здесь, в данном контексте, **Что за люди!** = Нелюди!

– Теперь ты рассуди к чему, к чему это поведет? – продолжал дядя, загоразивая ей дорогу – Чем кончится эта игра в консерватизм и генералы? Уже под суд попал! Попал! **Я очень рад!** <...>

– Ах, боже мой, да я-то тут при чем? – спросила Ольга Михайловна.

– Как при чем? Ты его жена! Ты умна, была на курсах, и в твоей власти сделать из него честного работника! (А. П. Чехов, “Красавицы”.)

Я очень рад! = Не рад!

Вот тут он и взошел, весь косматый от снега, в бараньем треухе и тулупе, <...> не спеша заговорил:

– **Ну и погодка!** (И. А. Бунин, “Дубки”.)

Здесь: **Ну и погодка!** = Плохая погода!

– Кума...

– Что, кум?

– *Знаете, какая история: у одного человека сердце ушло из рук и он сказал уму: прощай!*

– *Как это сердце ушло из рук?*

– *Это из Саади, кума. Был такой персидский поэт.*

– *Знаю. Но что значит сердце ушло из рук?*

– *А это значит, что человек влюбился. Вот как я в вас.*

– *Похоже, что и вы сказали уму: прощай.*

– *Да, кума, сказал. <...>*

– **С чем я вас и поздравляю.** (=С чем я вас не поздравляю.) (И. А. Бунин, “Кума”.)

Подобными высказываниями пестрит и современный дискурс, или живая русская речь. По справедливому замечанию швейцарского лингвиста Ш. Балли, “... для каждого из нас язык, которым он пользуется ежеминутно и на котором выражает свои самые сокровенные мысли, является богатейшим источником самого достоверного лингвистического материала”⁹. Таким источником является разговорная речь. “Воистину, – пишет О.А. Лаптева, – настала пора конкретизировать мысль Л. В. Щербы, высказанную много десятилетий тому назад применительно к разговорной речи, – о ее роли как **кузницы языковых изменений**”¹⁰ (выделено нами. – Л.М.). И выдающийся лингвист Ф. де Соссюр отмечал, что “... наилучшим способом выделить единицы языка является именно анализ речи, выступающий в виде регистрации языка, поскольку мы не имеем возможности изучать то, что происходит в клеточках нашего мозга”¹¹. Эмоционально переосмысленные говорящим высказывания живут полнокровной жизнью именно в разговорной речи, в частности, в таком жанре разговорной речи, как диалог.

Например: – “Я к родственникам: они мне открытку прислали, чтоб я зашла”. – “Каким родственникам?” – “К дяде Лёше”. – “Кто такой?” – “Ну, профессор. Он ещё маме какой-то брат троюродный, что ли... Да я тебе рассказывала. Я ещё у них неделю жила, когда в Москву приехала”. – “Да, что-то припоминаю... Ну... А потом куда?” – “Потом в Третьяковскую галерею”. – “Учу я тебя, учу – толку ни грамма. Ведь в этой Третьяковке одни командировочные или гости столицы...” – “Я же туда картины иду смотреть, а не людей”. – “А я вот в научный зал Ленинской библиотеки пропуск достала”. – “Зачем?” – “Представляешь, какой там контингент: академики, доктора, философы...” – “Ну и что? Будешь смотреть, как они читают?” – **“Много ты понимаешь! Там еще курилка есть...”** (Из к/ф “Москва слезам не верит”.)

Много ты понимаешь! = Ничего ты не понимаешь. (В курилке можно познакомиться с нужными людьми).

Или:

– “Я тебе помогу”. – **“От тебя дождешься!”**

⁹ Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961, с.38.

¹⁰ Лаптева О. А. Узус как арена языкового изменения // «Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста». М., 2002, с. 345.

¹¹ Слюсарева Н. А. Теория Фердинанда де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975, с. 14.

От тебя дождешься! = *Не дождешься (от тебя ничего).*

Интонация позволяет эксплицировать любое скрытое значение (“значение говорящего”). Экплицируется то, что имплицитно содержится в высказывании. Имплицитность предполагает потенциальную эксплицитность. Имплицитность как лингвистическое явление существует постольку, поскольку существует эксплицитность, то есть имеется оппозиция имплицитность – эксплицитность (заметим – нет системы из одного знака). Неэкплицируемая информация (или значение), на наш взгляд, внутренний мотив, но не имплицитный смысл. Имплицитные значения легко воспринимаются носителями языка. Иностранцам же такие значения часто представляются непонятными, неожиданными, поэтому этот аспект должен занять определенное место в обучении иностранцев живой русской речи. Такие стационарные предложения, как **Здравствуй (-те), Я ваша тетя, Очень нужны они мне! Хрен я ей верну**, в повседневной речи русских употребляются как в буквальном, так и в переносном значениях (**Здравствуй (-те)** – как “приветствие” и как “удивление”; **Я ваша тетя** – в буквальном смысле и как “удивление-возражение”; **Очень нужны они мне!** – как “необходимость” и наоборот; **Хрен я вам верну** – в прямом значении и в значении “ничего не верну”). Омонимия данных высказываний – это результат их эмоционального переосмысления говорящим. Задача лингвистов-практиков – уделить серьезное внимание описанию омонимичных высказываний при обучении, в данном случае, русскому языку как иностранному, ибо они нередко затрудняют процесс общения и в ряде случаев даже представляют опасность: возникает возможность неверного осмысления реплики.

Яркой иллюстрацией изложенного может служить анекдот, рассказанный профессором МГУ им. М. В. Ломоносова М. В. Всеволодовой: за границей женщину, говорящую только по-русски, судят за кражу: [Судья:] *Вы обвиняетесь в том, что украли курицу. Это правда?* [Подсудимая:] **Брала я вашу курицу!** [Переводчик:] *Подсудимая призналась, что она курицу взяла.* [Судья:] *Зачем вы это сделали?* [Подсудимая:] **Да отстаньте! Нужна мне ваша курица!** [Переводчик:] *Она говорит, что курица была ей нужна.* [Судья:] *Вы специально приехали к нам, чтобы воровать?* [Подсудимая:] **Ну как же, я нарочно из Одессы приехала, чтобы украсть вашу курицу. Делать мне больше нечего!** [Переводчик:] *Подсудимая призналась, что приехала из Одессы специально, чтобы заниматься преступной деятельностью, так как дома она не может найти работу.* [Судья:] *Да за это вас могут посадить в тюрьму – на срок до шести месяцев!* [Подсудимая:] **Всю жизнь мечтала оказаться за решёткой.** [Переводчик:] *Она говорит, что главная цель её жизни – попасть в тюрьму.* [Судья:] *Она что, сумасшедшая?* [Подсудимая:] **Здравствуйте, я ваша тетя!** [Переводчик:] *Она вас приветствует и говорит, что является вашей близкой родственницей.* [Судья (устало):] *Ну если она родственница, то пусть заплатит хотя бы штраф.* [Подсудимая:] **Хрен вам!** [Переводчик:] *Подсудимая предлагает расплатиться овощами!* [Судья:] *Уберите отсюда эту ненормальную!* [Подсудимая (уходя):] **Ну и пёс с вами!** [Судья (испуганно):] *Что, что она говорит?*

[Переводчик:] *Если я правильно понял, она уходит, а собачку оставляет вам*¹².

Неправильное понимание подобных высказываний иностранца-ми/инофонами (если исключить фактор “интонационной глухоты”) свидетельствует об отсутствии у них знаний о существовании в русском языке их переносного употребления, а также незнание таких модусных смыслов, как “отрицание через утверждение” и “утверждение через отрицание”, то есть аккумулятивная функция языка, или функция накопления общественного опыта и знаний, низведена до нуля. Другая причина – отсутствие данных значений в родном языке: например, во французском или английском языках названные высказывания в указанных значениях не употребляются, даже как окказиональные.

Умение чувствовать и распознавать эмоционально-экспрессивные оттенки значений высказывания, выбирать нужную реплику в той или иной ситуации, находить правильную интонацию облегчает общение, взаимопонимание, ибо реплика задает тон, определяет тональность диалога, от правильного выбора зависит судьба диалога. Дж.О’Коннор и Дж.Сеймор в книге “Введение в нейролингвистическое программирование” пишут: “Различие создается не тем, что мы говорим, а тем, как мы это говорим. Маргарет Тэтчер затратила уйму времени и усилий на то, чтобы изменить свой голос. Тон голоса и язык телодвижений определяют, будет ли слово “привет” звучать как простое приветствие, как угроза, как подавление или как очаровательное восклицание.

Каждый из нас выражает множество оттенков смысла в ежедневных разговорах и, вероятно, имеет дюжину различных способов сказать “нет”, только мы не думаем об этом сознательно”¹³ (правильно: *только мы не осознаем это.* – Л. М.).

Заметим, что внутренний мотив и имплицитный смысл относятся к сущностям различного порядка: первый – психологического, второй – языкового. Соглашаясь с авторами “Язык и сознание: парадоксальная рациональность”, в частности с А. И. Стеценко, что “... вопрос о действительном онтологическом статусе языковых явлений не может быть решен путем апелляции к ментальности, вообще к сущностям психологического (или любого другого неязыкового) порядка, т.к. это есть путь бесконечной редукции языка к явлениям другого уровня, а также выход за рамки лингвистической предметной области, который не обеспечивает создание междисциплинарных, системных моделей языка”¹⁴, мы, однако, не исключаем возможности рассмотрения существования имплицитности как в языке (или речевой деятельности), так и в форме той или иной “структуры сознания”, “когнитивной структуры”. Однако это – объект самостоятельного исследования.

Интенциональный смысл проективного высказывания¹⁵, иначе говоря,

¹² См.: **Панков Ф. И.** Функционально-коммуникативная грамматика и русская языковая картина мира // «Мир русского слова». СПб., 2013, № 2, с. 72–80.

¹³ **О’Коннор, Сеймор Дж.** Введение в нейролингвистическое программирование. Как понимать людей и как оказывать влияние на людей. Челябинск, 1998, с. 34–35.

¹⁴ **Стеценко А. П.** О специфике психологического и лингвистического подходов к проблеме языкового сознания // «Язык и сознание: парадоксальная рациональность». М., 1993, с. 27.

¹⁵ См. о проективном тексте и высказывании: **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.**

подтекст – это та субъективная информация (в отличие от модуса), которая продиктована намерением говорящего и не вытекает из объективного содержания высказывания. Подтекст закладывается в высказывание в виде дополнительного слоя на прагматической семантике и воспринимается слушателем иначе, чем прагматическая информация. Подтекст проективного высказывания выводится из контекста сверхфразового единства.

Модус и подтекст, хотя и являются “носителями” субъективной информации, относятся, однако, к сущностям различного порядка: модус – фразового, подтекст – сверхфразового. Если модус – смысловой организующий стержень предложения-высказывания, то подтекст (конситуативный признак проективного высказывания) – смысловой организующий стержень проективного текста.

Интенция (намерение) говорящего фокусируется в проективном высказывании, обеспечивая расшифровку подтекста. Расшифровать, эксплицировать подтекст позволяет контекст. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров с целью лингвокультурологического прочтения проективных текстов сформулировали “правило контекста”, позволяющее расшифровывать текст¹⁶. Однако интенциональный смысл (подтекстовая информация, или “приращение смысла”) проективного высказывания легко воспринимается носителями русской культуры, располагающими (или обладающими) определенными фоновыми знаниями, помогающими понять текст.

Рассмотрим несколько примеров из повести “Маша и Феликс” талантливой русской писательницы В. Токаревой.

Сталин когда-то выделил евреям Биробиджан. Может быть, это был Ленин. Но дело не в том – КТО, а в том – ГДЕ. Биробиджан – у черта на рогах, там холодно, темно и неудобно. Евреи – народ южный, теплолюбивый. Они расселились в основном в Киеве и Одессе – жемчужине у моря. Можно понять.

Выделение автономии евреям – факт положительный, однако выделили “не в Киеве и Одессе”, где евреи, “народ южный, теплолюбивый, расселились”, а “в холодном, темном и неудобном Биробиджане”, иначе (то есть читай) – сослали.

Другой пример:

У Вали время от времени появлялась работа – сопровождать лекции. Например, если тема лекции: “Чехов и борьба с пошлостью” – она читала монолог Нины Заречной или монолог Сони “Ах, как жаль, что я некрасива”. Однако Валя не забывала про свои глазки и кудряшки, и Соня в ее исполнении получалась довольно жеманная. Но поскольку на лекции приходило не больше десяти старух, то все это не имело никакого значения: ни Чехов, ни его борьба с пошлостью, ни актриса в стареньком итапельном платье.

Подтекст: Хотя и тема лекции называлась “Чехов и борьба с пошлостью”, все, что делалось, и то, как делалось, было пошло.

Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990, с. 127–130.

¹⁶ См.: там же, с. 130.

Или:

Сам Феликс тоже имел низкую самооценку. Он говорил о себе: “Я – одесская фарца”. Он иногда скупал у моряков партию женских колготок, потом продавал втридорога. Тогда это называлось “фарца” и спекуляция. Сейчас – бизнес. Тогда за это сажали, сейчас – все государство на разных уровнях скупает и продает.

Читай: Все государство – фарца, все государство занимается спекуляцией, за что сажать, возможно, надо.

В повести “Маша и Феликс” В. Токаревой подтекст живет полноценной жизнью. Неносители языка (иностранцы/инофоны), которые, в отличие от россиян, не владеют фоновыми знаниями, расшифровать такую информацию не могут. Им часто представляются непонятными, неожиданными и значения, которые имплицитно содержатся в высказывании. Поэтому эти два аспекта, модусный и интенциональный, – столь близкие, столь похожие, однако различные, – должны занять определенное место в обучении иностранцев/инофонов живой русской речи.

Как отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, к сожалению, “... не все преподаватели распознают разницу между прагматичным и проективным способами коммуникации. Между тем надо не только самим уметь различать их, но и научить этому учащихся”¹⁷.

Обладая смысловой самостоятельностью, проективные тексты не могут быть правильно истолкованы вне соотнесения с фактами культуры, что подтверждает мысль, высказанную В. Н. Телия: “...”чужая культура – это идиома”, поскольку ее содержание не мотивировано для непосвященного в нее, а потому не прозрачно для него и не *отрефлектировано*”¹⁸ (курсив наш – Л.М.).

Задача же лингвистов – разработать эксплицитный метаязык, который позволит описать имплицитное в языке и в речи.

Ключевые слова: *высказывание, модус, скрытый смысл, интонация, проективный текст, интенциональный смысл, подтекст*

ԼԻԱՆՆԱ ՄԱԹԵՎՈՍՅԱՆ – Մոդուլը և ենթատեքստը. նմանության պատրանք – Մոդուլը և ենթատեքստը լեզվաբանական տարբեր հասկացություններ են: Մոդուլը ասույթի իմաստային կառուցվածքի առանցքն է, ենթատեքստը՝ պրոյեկտիվ տեքստի: Իմաստը, որը նկատի ունի խոսողը, միշտ չէ, որ համընկնում է ասույթի ուղղակի նշանակությանը: Թաքնված իմաստը՝ մոդուլային նշանակությունը, արտահայտվում է ինտոնացիայի միջոցով: Ի տարբերություն պրագմատիկ տեքստի՝ պրոյեկտիվ տեքստը ճիշտ ընկալելու համար պահանջվում է նաև մշակույթի իմացություն:

Բանալի բառեր – *ասույթ, մոդուլ, թաքնված իմաստ, ինտոնացիա, պրոյեկտիվ տեքստ, միտումնավոր իմաստ, ենթատեքստ*

¹⁷ **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Указ. соч., с. 114.

¹⁸ **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996, с. 226.

LIANNA MATEVOSYAN – *Modus and Subtext: the Illusion of Identity.* – Modus and subtext are different categories. The value implied by speaker does not always correspond to the objective meaning of the utterance. “The value implied by speaker”, or hidden meaning, is realized through the intonation. Teachers should be aware of the difference between pragmatic and projective methods of communication for adequate delivering it to students. Projective text cannot be correctly interpreted without a good knowledge of the relevant culture.

Key Words: *utterance, modus, hidden meaning, intonation, projective text, subtext, intentionally meaning*